

**Т.С. Денисова,  
С.В. Костелянец**

**T. Denisova,  
S. Kostelyanets**

**ОТ ПЕРЕВОРОТА К  
ПОЛИТИЧЕСКОМУ  
ПОРЯДКУ: ВОЕННЫЕ  
РЕЖИМЫ МАЛИ,  
БУРКИНА-ФАСО И  
НИГЕРА**

**FROM COUP TO  
POLITICAL ORDER: THE  
MILITARY REGIMES OF  
MALI, BURKINA FASO  
AND NIGER**

**Аннотация**

После переворотов 2020–2023 гг. военные власти Мали, Буркина-Фасо и Нигера первоначально связывали переходный период с восстановлением безопасности и последующей передачей власти гражданским институтам. К середине 2026 г. сроки политических транзитов были пересмотрены, чрезвычайное правление обрело более устойчивые правовые и политические основания, а оправдание самого переворота сменилось обоснованием долгосрочного военного режима. В статье проводится сравнительный анализ трех страновых кейсов, рассматриваются способы институционализации заявленного суверенистского курса и содержание переходных хартий и законов, официальных выступлений, документов Альянса государств Сахеля (АГС) и Экономического сообщества стран Западной Африки, используются научные исследования и сообщения СМИ. Проведенный анализ показывает, что в Мали акцент на идеологии сместился в сторону укрепления госаппарата и восстановления дееспособности армии. В Буркина-Фасо на первый план вышли лозунги радикальной народной мобилизации и концентрация властных полномочий в руках Ибрагима Траоре и узкого круга его сторонников. В Нигере на смену риторике сопротивления внешним санкциям пришло планомерное юридическое укрепление военного правительства. Одновременно АГС сформировал пространство для взаимного политического признания новых режимов. Во всех трех государствах фиксированные сроки проведения выборов уступили место абстрактным целям, к достижению которых военные привязали финал своего правления. Эволюция

**Abstract**

After the coups of 2020–2023, the military authorities in Mali, Burkina Faso, and Niger initially linked the transitional period to the restoration of security and the subsequent transfer of power to civilian institutions. By mid-2026, however, the timelines of political transition had been revised, emergency rule had acquired more durable legal and political foundations, and the justification of the coups themselves had gradually given way to the legitimization of prolonged military rule. The article provides a comparative analysis of the three country cases. It examines the institutionalization of the regimes' stated sovereignty agendas, as well as transition charters and legislation, official statements, documents of the Alliance of Sahel States (AES) and the Economic Community of West African States (ECOWAS), academic studies, and media reports. The analysis shows that in Mali the ideological emphasis has shifted toward strengthening the state apparatus and restoring the operational capacity of the armed forces. In Burkina Faso, radical popular mobilization and the concentration of political authority in the hands of Ibrahim Traoré and a narrow circle of his supporters have moved to the forefront. In Niger, the rhetoric of resistance to external sanctions has gradually been replaced by the systematic legal consolidation of military rule. At the same time, the AES has created a regional framework for the mutual political recognition of the new regimes. In all three countries, fixed electoral deadlines have given way to open-ended goals whose achievement the military authorities have made a condition for relinquishing power.

легитимации современных сахельских режимов развивается по пути перехода от критики провалов гражданских предшественников к конструированию собственного проекта государственности. Подобная модель позволяет лидерам обосновывать долгосрочное удержание властных позиций, но одновременно возлагает на них единоличную ответственность за обеспечение безопасности, дееспособность институтов и социально-экономическую стабилизацию.

The legitimization of contemporary Sahelian regimes is thus evolving from criticism of the failures of their civilian predecessors toward the construction of their own projects of statehood. This model enables military leaders to justify prolonged rule, while at the same time placing direct responsibility on them for security, institutional capacity, and socio-economic stabilization.

**Ключевые слова:**

легитимация, военные режимы, Сахель, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, суверенитет, Альянс государств Сахеля, переустройство государства.

**Key words:**

legitimation, military regimes, Sahel, Mali, Burkina Faso, Niger, sovereignty, Alliance of Sahel States, refoundation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-96-119>

Серия военных переворотов в Мали (2020 и 2021 гг.), Буркина-Фасо (дважды в 2022 г.) и Нигере (2023 г.) изначально укладывалась в рамки привычной для Западной Африки борьбы за власть. Сами путчисты подкрепляли этот нарратив: созданные ими органы именовались «переходными», а легитимность режима напрямую увязывалась с будущими выборами. Однако к середине 2026 года концепция политического транзита утратила актуальность. В трех государствах сформировались новые правовые институты, политические партии были распущены, а сроки правления военных администраций стали фактически бессрочными.

В Буркина-Фасо обновленная в мае 2024 года Хартия переходного периода (*Charte de la Transition*) пролонгировала полномочия властей на пять лет, официально закрепив за Ибрагимом Траоре статус президента Республики. Затем в Нигере принятая 26 марта 2025 года Хартия возрождения (*Charte de la Refondation*) институционализировала новые рамки транзита, предусмотрев для Абдурахмана Чиани пятилетний возобновляемый президентский срок. Наконец, в Мали Закон о пересмотре Хартии переходного периода (*Loi portant révision de la Charte de la Transition*) от 8 июля 2025 г. установил для главы государства аналогичный пятилетний мандат с возможностью продления «столько раз, сколько необходимо» для полной стабилизации обстановки в стране, что одновременно предоставило Ассими Гоита право баллотироваться на будущих выборах.

Академическая дискуссия, посвященная ситуации в регионе, изначально была сосредоточена на причинах и предпосылках подъема новой

волны переворотов и на феномене общественной лояльности к вмешательству армии в политику. Данные Afrobarometer и независимых исследователей фиксировали снижение уровня недовольства захватом военными власти в ряде стран континента, обусловленное разочарованием населения в эффективности гражданского правления (García-Rivero, 2022; Elischer & Lawrance, 2022; Hatungimana, 2025). Так, Д. Туки на примере Нигера показал, что еще накануне переворота 2023 года значительная часть общества считала путч допустимым ответом на коррупцию и другие злоупотребления властей, причем пережитый опыт политического насилия лишь усиливал эту тенденцию (Tuki, 2024). В свою очередь, С. Примус связывал феномен поддержки малийского режима с синергией материального неблагополучия и деколониального дискурса (Primus, 2025).

Если характер общественного спроса на альтернативу гражданским политическим элитам к настоящему моменту концептуализирован достаточно подробно, то механизмы его эволюции изучены слабо. Без ответа пока остается вопрос о том, как первоначальное конъюнктурное согласие с фактом переворота трансформируется – или не трансформируется – в долгосрочное признание права военных на управление государством спустя годы после захвата ими власти.

С точки зрения анализа политического дискурса происходящие процессы выходят далеко за рамки простой смены внешнеполитического вектора развития Сахеля. Как показала Б. Энгельс, антифранцузские и антиколониальные настроения в регионе сформировались задолго до прихода к власти нынешних военных лидеров и имели автохтонную социальную базу (Engels, 2023). С.М. Колд-Равнкильде и А. Силла детально проследили роль малийских активистов и медиаблогеров в конструировании суверенистской повестки (Cold-Ravnkilde & Sylla, 2024). На материалах полевых исследований в Буркина-Фасо и Нигере А. Сандор и Л. Берлингоzzi выявили схожую, хотя и неодинаковую, роль гражданских акторов: последние не просто солидаризируются с радикальным суверенистским курсом, но и адаптируются к сужению пространства для инакомыслия (Sandor & Berlingozzi, 2026). Применительно к Буркина-Фасо Ф. Айна сравнивает революционную и антиимпериалистическую риторику Траоре с его же авторитарными практиками (Aina, 2026).

Сделаем оговорку: в этой статье стремление к обретению подлинного суверенитета не рассматривается ни как проект деколонизации, ни как «ширма» для прикрытия диктатуры. Задача исследования – проверить, как суверенистский курс работает на практике, и определить, какие именно решения властей он оправдывает, какие социальные группы привлекает на

сторону новых режимов и как помогает делегитимировать требования возврата к прежним правилам политической конкуренции.

В статье разделяются два понятия – легитимности (в этом случае общество искренне признает право правительства управлять) и легитимации (когда власть сама пытается это признание создать и удержать). Это различие особенно важно в контексте, когда открытая политическая борьба сворачивается и измерить реальную поддержку населением сахельских режимов становится непросто. Популярность лидера, отсутствие протестов и законность самого режима – совершенно разные маркеры. После того как политические партии в Нигере (март 2025 г.), Мали (май 2025 г.) и Буркина-Фасо (январь 2026 г.) были распущены, легальное политическое поле заметно сузилось. В этих условиях особую важность обретают вопросы: как именно военные обосновывают свои права на власть, посредством каких законов они их закрепляют и какие формы общественного отклика на это удается зафиксировать?

Центральный исследовательский вопрос работы – как именно военные режимы Мали, Буркина-Фасо и Нигера переходят от оправдания захвата власти к обоснованию долгосрочности своего правления. Сравнительный анализ охватывает период с августа 2020 года по середину 2026 года. В фокусе внимания авторов – три аспекта: трансформация аргументов военных режимов по мере продления их полномочий, укоренение суверенистских лозунгов во внутреннем государственном устройстве и создание Альянса государств Сахеля (АГС) как пространства взаимного признания политического курса. Такой подход помогает разграничить сам факт силового удержания власти и те механизмы, с помощью которых это удержание публично объясняется и юридически закрепляется.

В качестве теоретической основы работы выбран подход Д. Битэма, связывающий легитимность с правилами обретения и осуществления власти, нормативным оправданием этих правил и выраженным согласием с ними граждан страны (Beetham, 2013). Для режимов, возникших в результате военного переворота, первый критерий уязвим по определению, так как смена власти происходит путем нарушения конституционных процедур. Именно поэтому новые лидеры вынуждены разъяснять обществу, почему сам факт нарушения закона был оправдан и на каком основании их исключительное право на управление должно сохраняться и после преодоления острого кризиса смены власти.

Подход Д. Битэма мы дополняем современными исследованиями авторитарий. В частности, Й. Гершевски различает три механизма устойчивости недемократических режимов – легитимацию, кооптацию и репрессии. Тем

самым он указывает на опасную исследовательскую ошибку – принимать пассивное отсутствие сопротивления за искреннее общественное согласие (Gerschewski, 2013). В своих последующих работах автор проводит четкую границу между притязаниями лидеров режима на легитимность и восприятием его гражданами (Gerschewski, 2018, 2023). Для сегодняшнего Сахеля это различие имеет принципиальное значение: запрет политических партий, привлечение сторонников к работе в государственных органах и преследования инакомыслящих разворачиваются одновременно с использованием суверенистских и мобилизационных лозунгов. Анализировать их как единый «уровень поддержки» значило бы смешивать разные политические процессы.

Понятие стратегии легитимации в данной статье опирается на классификацию М. Танненберга и его соавторов, различающих притязания, основанные на результатах управления, идеологии, личности руководителя и процедурах (Tannenberga et al., 2021). Эти категории задают общую логику исследования. Так, пример Сахеля показывает, что суверенистские лозунги одновременно служат для обоснования внешнеполитической дееспособности, проведения институциональных реформ и отказа от прежних графиков передачи власти гражданским.

В настоящей статье суверенитет понимается как заявленная и практически реализуемая способность государства самостоятельно определять внутренний и внешний политический курс и ограничивать влияние внешних акторов на принятие ключевых решений. Эмпирически суверенистский курс оценивается по трем группам проявлений: пересмотру военных соглашений и выбору внешних партнеров, установлению контроля над стратегическими ресурсами и изменению внутренних политических институтов, которое власти обосновывают необходимостью укрепления самостоятельности государства. Такое понимание учитывает постколониальную трактовку суверенитета, обращающую внимание на сохраняющееся воздействие исторически сложившихся асимметрий международной власти на африканские государства (Grovoqui, 2002, p. 316–317).

Особого пояснения требует Буркина-Фасо. Высокая концентрация внимания к личности И. Траоре не позволяет автоматически относить его власть к харизматическому типу в веберовском смысле. К. Аке в своей классической работе справедливо настаивал, что для подобного вывода необходим большой объем эмпирических данных о восприятии лидера его последователями: одного лишь анализа публичного образа лидера недостаточно (Аке, 1966). Поэтому в настоящей работе используется более узкая категория – персоналистское притязание на легитимность.

Выбор Мали, Буркина-Фасо и Нигера обусловлен тем, что они представляют собой наиболее сопоставимые кейсы в современном Центральном Сахеле. Перевоороты здесь произошли примерно в один отрезок времени (2020–2023 гг.); все три государства разорвали прежние отношения с Францией, вступили в конфликт с Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС) и затем совместно создали АГС. Правда, исходные политические контексты заметно различались: глубокий протестный кризис в Мали, свержение предыдущего военного правительства в Буркина-Фасо и мятеж президентской гвардии в Нигере (McCullough & Sandor, 2023; Садовская, 2024). Судан и Чад, также пережившие военные перевороты (Судан в 2019 и 2021 гг.; Чад – в 2021 году после смерти И. Деби), в выборку не включены: военные режимы в этих странах возникли посредством других механизмов и не встроены в общий контур АГС, а лидеры используют иную внешне- и внутривластную риторику.

### **От переворота к новому мандату**

Общий для трех стран повод к вмешательству армии сформировался задолго до появления единого суверенистского языка АГС. В Мали летом 2020 года спор вокруг парламентских выборов наложился на протесты против коррупции, неэффективности государственных институтов и неспособности властей предотвратить деградацию силовых структур. Широкое оппозиционное «Движение 5 июня – Объединение патриотических сил» (Mouvement du 5 Juin–Rassemblement des Forces Patriotiques, M5-RFP) к тому моменту уже несколько месяцев добивалось отставки президента Ибрагима Бубакара Кейты. Неслучайно сразу после его ареста военными официальный представитель коалиции Нухум Того в комментарии для Reuters подчеркнул, что произошедшее является «народным восстанием», а не банальным военным путчем. Таким образом, армейское руководство получило возможность представить свержение главы государства как неизбежную развязку глубокого гражданского кризиса, созревшего без прямого участия военных.

Впрочем, консенсус оказался недолгим. Уже в сентябре 2020 года движение M5-RFP отвергло подготовленную военными хартию переходного периода и оспорило предложенный порядок распределения должностей в новых органах управления. То есть первоначальное одобрение свержения И.Б. Кейты со стороны M5-RFP вовсе не означало, что армия получила карт-бланш на долгосрочное политическое правление.

В Буркина-Фасо смена режимов была увязана преимущественно с военно-политической дестабилизацией. Главным поводом для январского переворота 2022 года стала неспособность гражданского правительства Рока

Марка Кристиана Каборе остановить джихадистский террор. Однако всего через восемь месяцев этот же аргумент сыграл и против лидера переворота Поля-Анри Дамибы. Опыт повторного путча важен для понимания механизмов легитимации: сам по себе приход военных к власти не мог удовлетворить общественный и внутриармейский запрос. Новое руководство должно было доказать, что способно справиться с кризисом безопасности эффективнее предшественников. Эта ситуация подтверждает выводы ряда ученых: отношение граждан к военным властям в Африке напрямую зависит от того, справляется ли государство со своими обязанностями (García-Rivero, 2022; Hatungimana, 2025).

В отличие от ситуации в соседних странах в Нигере накануне событий 26 июля 2023 года не было антиправительственных протестов. Переворот начался как локальный мятеж президентской гвардии, к которому лишь затем присоединилось руководство остальных силовых ведомств. К. Маккалоу и А. Сандор связали успех этого путча с внутренними разногласиями в оборонном секторе и со спорами вокруг международного военного сотрудничества (McCullough & Sandor, 2023). При этом значительная часть общества оказалась восприимчивой к идее экстренного вмешательства армии, как уже упоминалось (Tuki, 2024).

Таким образом, военные лидеры получили первоначальный кредит доверия за счет слабости и провалов своих предшественников, однако спустя некоторое время оказались перед необходимостью нести ответственность за результаты своего правления. Проблема устойчивости таких режимов находится в центре внимания Б. Хайдары, который задается вопросом: способна ли массовая популярность военных режимов быть самостоятельным и прочным фундаментом их легитимности (Haidara, 2024)? Ведь уже вскоре после прихода к власти новые лидеры начали искать более надежные инструменты ее упрочения, стремясь уменьшить зависимость от памяти о провале гражданских администраций. Так формировался новый политический мандат: право военных оставаться у власти стало обосновываться уже не самим кризисом, приведшим к перевороту, а способностью реализовать собственный государственный проект.

Важным внешним фактором стало давление со стороны ЭКОВАС. Региональное сообщество опиралось на закрепленный с начала 2000-х годов запрет на неконституционную смену власти. В отношении Сахеля организация задействовала привычный арсенал: от приостановки членства и введения жестких санкций до категорических требований соблюдать график выборов. Юридические и политические противоречия этой практики подробно проанализировали Я.Н. Аду и А.Б. Мезяев, отмечавшие как внутреннюю ло-

гику ЭКОВАС, так и трудности применения правил, которым пыталось следовать это объединение (Аду & Мезяев, 2024).

В случае с Нигером давление ЭКОВАС достигло максимума. 30 июля 2023 года сообщество потребовало немедленного возвращения власти президенту Мохамеду Базуму (2021–2023), закрыло границы и уже 10 августа одобрило развертывание резервных сил. Однако жесткий прессинг предотвратил Национальному совету спасения Родины (Conseil national pour la sauvegarde de la patrie, CNSP) мощный политический ресурс, которого у военных во время переворота не было. С этого момента нигерское руководство начало позиционировать защиту своего режима как спасение всего Нигера от экономического давления и угрозы военной интервенции со стороны стран ЭКОВАС и Франции.

На фоне этих событий понятие суверенитета начало обретать ту универсальную роль, которую оно в настоящее время играет во всех трех государствах. Этот концепт позволил военным связать кризис безопасности, народное недовольство прежними западными партнерами и исключительное право нового руководства самостоятельно определять путь развития. Разумеется, потенциал такой риторики не безграничен: одобрение лозунгов во все не означает готовность общества мириться с бессрочной военной диктатурой. Однако именно суверенистский дискурс наделил военных тем политическим языком, который позволил им перейти от банального тезиса «предшественники не справились» к заявлению о начале реализации масштабной программы государственного переустройства.

## **Мали**

Пример Мали лучше других показывает, как постепенно менялся фундамент легитимности новых властей. После повторного переворота в мае 2021 года А. Гоита уже не мог оправдывать свои действия исключительно протестами 2020 года. Смещение переходного президента Ба Ндау и премьер-министра Моктара Уана продемонстрировало обществу, что армейское руководство стало единственным центром принятия решений в стране, а переустройство государства превратилось из лозунга кризисного периода в политическую программу.

Процедурную основу для этой программы заложили национальные конференции по переустройству (*assises nationales de la Refondation*), прошедшие в декабре 2021 года. Их рекомендации касались реформы госаппарата и силовых структур, а также конституционных преобразований, став для властей главным источником легитимации последующих решений. Конституция 2023 года и обновленная в 2025 года Хартия переходного периода

зафиксировали новую правовую логику: глубокое реформирование государства должно предшествовать его возвращению к электоральным процессам. В Законе №2025-029 события августа 2020 года были наделены статусом «патриотических», а ключевыми задачами транзита были провозглашены стабилизация обстановки, «выправление» госаппарата, создание условий для комплексного переустройства и лишь затем – проведение всеобщих выборов. Центральным элементом этого документа стала статья о сроках полномочий: главе государства был предоставлен пятилетний мандат с возможностью его продления до полного «умиротворения» страны.

Подобная формула принципиально изменила саму логику транзита. Если изначально переходный период мыслился как ограниченный этап между путчем и возвратом к гражданскому правлению, то в редакции 2025 года его завершение увязывалось с достижением размытых критериев, причем на вопрос, наступило ли в стране долгожданное «умиротворение», ответ должны будут давать структуры, полностью контролируемые правительством. В результате сроки правления перестали быть внешними ограничителями для новой власти, что служит очевидным признаком перерастания временного военного правления в долгосрочный политический порядок.

Идеологической основой этого порядка стал концепт суверенитета. В исследованиях малийской политики последних лет зафиксирован важный вывод: антифранцузский разворот Бамако нельзя объяснить исключительно действиями нового режима после 2021 года. Общественные движения типа *Yèrèwolo Top* и сети цифровых активистов возникли задолго до окончательной консолидации режима А. Гоиты. Они самостоятельно формировали и продвигали антиколониальные и panaфриканские лозунги (Cold-Ravnkilde & Sylla, 2024). Изучение феномена «Мали Кура» (Нового Мали) также подтверждает, что пересмотр внешнеполитического курса опирался на стремление общества к четкой артикуляции национальной идентичности (Сидибэ, 2024). Военный режим лишь грамотно встроил этот общественный запрос в официальный государственный язык. Таким образом, легитимация новой власти складывалась в постоянном взаимодействии официальной риторики лидеров режима и гражданского общества.

Воплощениями суверенитета на практике стали разрыв прежних соглашений в сфере обороны, вывод французских войск, свертывание Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали и радикальный пересмотр внешнеполитических союзов. Особое символическое значение имело возвращение города Кидаль под контроль правительственных сил в ноябре 2023 года. Для военного руководства этот успех стал главным до-

казательством того, что Бамако способен побеждать без оглядки на прежнюю международную архитектуру безопасности.

Тем не менее легитимация режима через конкретные военные результаты оставалась уязвимой. В сентябре 2024 года боевики «Группы поддержки ислама и мусульман» (Jama'at Nusrat al-Islam wal-Muslimin) совершили нападение на школу жандармерии и столичный аэропорт, причем произошло это спустя всего несколько дней после триумфального заявления А. Гоиты об ослаблении террористов. В этих условиях политический вес суверенистских лозунгов начал смещаться: легитимность власти все меньше зависела от сиюминутных сводок с фронта и все больше опиралась на суверенное право государства определять свою стратегию.

К 2025 году акцент в суверенистской риторике на внешней политике начал вытесняться упором на внутреннюю. Оппозиционные партии, требовавшие проведения выборов, оспаривали уже не легитимность событий 2020 года, а само право военного режима единолично определять продолжительность политического транзита. Ответом на эти требования стал официальный роспуск в мае 2025 года всех политических партий, которому предшествовали редкие протесты в Бамако. При этом видимость общественного согласия продолжала поддерживаться посредством национальных консультаций и обращения к «силам нации». В результате возникло характерное для автократий напряжение, в контексте которого режим апеллирует к воле народа как к главному участнику нациестроительства, но одновременно жестко ограничивает легальные каналы выражения этой воли.

М. Бёос и Х. Хаавик описывают происходящее как «формирование нового общественного договора». В этой модели образ сильного защитника страны компенсирует гражданам дефицит базовых общественных благ (Bøås & Naavik, 2026). Применительно к Мали этот тезис выглядит убедительно, но с оговоркой: личную харизму А. Гоиты нельзя считать единственной причиной устойчивости режима. К середине 2026 года вокруг фигуры лидера сформировалась мощная институциональная архитектура: Конституция 2023 года, обновленная Хартия переходного периода, легальные процедуры переустройства, доктрина внешнеполитической автономии и рамка военнополитического блока АГС. Поэтому малийскую модель правомерно охарактеризовать как «государственническую». Фигура президента, безусловно, остается центральной, однако право военных на долгосрочное правление теперь выводится из незавершенности самого проекта по восстановлению малийского государства. В терминах М. Танненберга и его соавторов, в Мали преобладает сочетание двух типов притязаний на легитимность – через результаты и через рационально-правовые процедуры (Tannenberg et al.,

2021). Режим преподносит возвращение дееспособности госаппарата как свой главный успех и одновременно юридически закрепляет удержание власти с помощью новых конституционных и переходных норм. Суверенистские лозунги связывают все эти элементы в единую и понятную обществу идею сильного независимого государства.

### **Буркина-Фасо**

В Буркина-Фасо властная модель формировалась по иному сценарию. И. Траоре возглавил страну в сентябре 2022 года, обвинив своего предшественника П.-А. Дамибу в неспособности противостоять джихадистскому террору. Хотя в самом начале Траоре взял на себя обязательства по возвращению к гражданскому правлению, уже в первые месяцы его правления политический курс сместился в сторону масштабной общественной мобилизации. В октябре 2022 года власти объявили массовый набор в отряды «Добровольцев защиты Отечества» (*Volontaires pour la défense de la patrie, VDP*), а в январе 2023 года учредили Фонд патриотической поддержки (*Fonds de soutien patriotique*) с целью прямого финансирования этих сил и военных нужд. Война перестала быть делом лишь регулярной армии: гражданам предложили защищать государство посредством личного участия в военных действиях, финансовых взносов и публичной поддержки.

А. Саиду и Л. Хониг показали, что отряды VDP не просто расширяли присутствие режима на местах, но и обеспечивали политическую связь между государством и местными сообществами (Saidou & Honig, 2024). Исследователи также указали на исторический контекст этой мобилизации: добровольческие структуры в глазах населения напрямую ассоциируются с практиками эпохи Тома Санкары. Для Траоре подобная историческая преемственность крайне выгодна. Образ молодого капитана, возглавившего страну под лозунгами национального освобождения и социальной справедливости, превратился в уникальный ресурс, которого у Гоиты или Чиани в сопоставимом объеме не существует (Садовская, 2024).

Со временем параллели с Санкарой закрепились в институциональной структуре режима. 25 мая 2024 года очередная национальная конференция по переустройству пролонгировала полномочия правительства еще на пять лет, изменив статус Траоре с временного руководителя на президента. Тогда же был учрежден KORAG – надзорный орган, наделенный функцией контроля над стратегическим развитием страны, причем состав и принципы работы KORAG были оставлены на личное усмотрение главы государства. В отличие от Мали, где государственный риторика постепенно вытесняет

биографии организаторов переворота, в Буркина-Фасо именно фигура лидера все очевиднее становится стержнем всего политического проекта.

К весне 2025 года этот политический проект получил официальное название «Прогрессивная народная революция» (*Révolution progressiste populaire*). Годовщину ее провозглашения администрация главы государства масштабно отметила 1 апреля 2026 года. В своих выступлениях Траоре напрямую связывал революционный курс с жестким порядком, дисциплиной и патриотической мобилизацией граждан, а также анонсировал подготовку специального «манифеста революции». Подобный дискурс полностью меняет изначальный смысл транзита: подготовка институтов к будущим выборам уступает место проекту тотальной перестройки государства и общества. Очевидно, что реализация столь фундаментальной задачи по определению не может быть ограничена какими-либо сжатыми временными рамками.

Параллельно в стране происходит демонтаж прежней партийной системы. В январе 2026 года правительство распустило политические партии, обосновав этот шаг результатами «глубокой диагностики» политического поля и долгосрочными задачами переустройства государства. В официальном коммюнике многопартийность была названа «главным источником общественного раскола», а ликвидация партий – «вынужденной мерой, призванной открыть путь к радикальной реформе госуправления». Несколько месяцев спустя Траоре и вовсе публично оспорил применимость западной модели демократии к текущей повестке Буркина-Фасо. С этого момента, по нашему мнению, возврат к прежним правилам игры перестал рассматриваться властями в качестве конечной точки транзита.

Феномен VDP наглядно подтверждает, что мобилизационные структуры Сахеля нельзя сводить к какому-либо универсальному механизму устойчивости автократий. С одной стороны, добровольное участие граждан в защите своих общин создает легитимирующий эффект, формируя у населения ощущение сопричастности к государственному проекту (Saidou & Honig, 2024). С другой стороны, интеграция местных лидеров и ополченцев в созданную властями военную инфраструктуру выполняет очевидную кооптационную функцию. Наконец, принципиально иная логика – репрессивная – прослеживается в практике принудительной мобилизации критиков режима. Журналисты Reuters, в частности, задокументировали многочисленные случаи отправки на передовую независимых репортеров, правозащитников и публичных оппонентов режима Траоре. Аналогичную двойственность в поведении гражданских суверенистских организаций выявляют в ходе полевого исследования А. Сандор и Л. Берлингоззи: эти структуры активно солидаризируются с курсом военных властей, но при этом полностью лишены автоно-

мии и не способны контролировать действия сверху (Sandor & Berlingozzi, 2026). Ф. Айна обоснованно называет это жесткое сочетание антиимпериалистического пафоса и параллельного подавления любого инакомыслия главным внутренним противоречием современного буркинийского режима (Aina, 2026). Таким образом, ни номинальная численность отрядов VDP, ни масштабы патриотических кампаний в Буркина-Фасо не могут рассматриваться в качестве объективных индикаторов реального общественного признания власти.

При этом ключевой для режима вопрос безопасности по-прежнему остается наиболее уязвимым. Трагические события в г. Барсалога в августе 2024 года, когда боевики убили более 200 мирных жителей, привлеченных к рытью оборонительных траншей, вызвали огромный общественный резонанс и наглядно показали высокую цену мобилизации. На подобные провалы руководство Буркина-Фасо отвечало расширением самого понятия войны: теперь она трактуется как «священная борьба за подлинную независимость и полное переустройство родины». В результате неспособность быстро решить первоначальную задачу на фронте не приводит к потере власти военными; напротив, она используется лидерами режима как главный аргумент в пользу еще более жесткой дисциплины и бессрочной мобилизации общества.

Таким образом, если в Мали ставку сделали на укрепление госаппарата, то в Буркина-Фасо режим пошел по революционному пути, сделав упор на мобилизацию общества. Здесь политический проект намного теснее, чем в двух других государствах, связан с образом конкретного руководителя: концепт «Прогрессивной народной революции», санкаристская символика и личные президентские инициативы сливаются в единый идеологический контур. Однако военные неудачи, факты принудительной отправки критиков на фронт и ликвидация партийного пространства наносят ущерб прежде всего именно образу национального лидера, на котором держится политическая идентичность режима. В рамках классификации М. Танненберга буркинийский кейс укладывается в сочетание идеологического и персоналистского типов притязаний на власть (Tannenberg et al., 2021). Безусловно, оправдание власти через практические результаты (как в Мали) тоже важно, ведь военные пришли к власти с обещанием защитить граждан от террора. Однако именно эти обещания труднее всего выполнять на фоне затяжного кризиса на фронте.

## Нигер

Нигерский режим обрел свой политический ресурс в основном уже после захвата власти. В первые дни Национальный совет спасения Родины находился в более уязвимом положении, нежели малийский режим в августе 2020 года: М. Базум оставался международно признанным президентом, а массового гражданского движения за его отставку в стране не наблюдалось. Однако жесткая реакция ЭКОВАС изменила характер конфликта. Ультиматумы, санкции и прямая угроза военной интервенции позволили А. Чиани говорить от имени всего государства, вынужденного защищать свое право на независимый путь развития. На примере Нигера наиболее отчетливо видно, как попытки внешней делегитимации режима парадоксальным образом превращаются в мощный ресурс для его внутренней легитимации.

Антиколониальный курс Нигера принес наглядные результаты. После конфликта Ниамея с Парижем французские войска к концу 2023 года полностью покинули страну. Весной 2024 года новые власти расторгли соглашение, регулировавшее военное присутствие США, и к сентябрю согласовали вывод примерно тысячи американских военнослужащих. С точки зрения режима, именно эти шаги было легче всего предъявить обществу в качестве реальных достижений, поскольку переломить ситуацию на фронте и остановить джихадистский террор оказалось намного сложнее. Подобные действия позволили наполнить лозунги о суверенитете конкретным содержанием: старые договоры разорваны, иностранные базы закрыты, а внешние акторы больше не диктуют государству свои условия.

Однако ресурс внешней конфронтации исчерпал себя быстро. После того как ЭКОВАС сняло большую часть санкций, а непосредственная угроза интервенции сошла на нет, перед Ниамеем встал вопрос: как объяснить обществу необходимость сохранения военными чрезвычайных полномочий? Ответом на этот вызов стала доктрина переустройства государства. В феврале 2025 года Общенациональный съезд подготовил пакет рекомендаций, а уже 26 марта была принята Хартия возрождения. Официальный портал администрации президента охарактеризовал ее как документ, устанавливающий новые институциональные рамки и приоритеты транзита, а мандат А. Чиани – как пятилетний и возобновляемый. Таким образом, режим предложил обществу полноценную программу долгосрочного переустройства государства.

В рамках этой программы понятие суверенитета вышло далеко за рамки геополитики. Режим стал активно увязывать его с контролем над природными ресурсами, ревизией внешнеэкономических партнерств и правом государства пересматривать условия контрактов с иностранным бизнесом. Наиболее ярким примером такой политики стало объявление в июне 2025 г.

о национализации компании SOMAÏR – уранового предприятия, которое десятилетиями контролировалось французской корпорацией Orano. Несмотря на последовавшие затяжные международные юридические споры, в официальной риторике Ниамея это решение позиционировалось исключительно как возвращение народу законных прав на национальные богатства. Данный шаг наглядно показывает, как внешнеполитические лозунги режима трансформируются в практический инструмент внутренней экономической политики.

Политика переустройства в Нигере сопровождалась сокращением прежних каналов политического представительства. Партии были распущены в день принятия Хартии; их место заняли консультативные органы и процедуры, сформированные в рамках нового порядка. При этом полевые исследования фиксировали поддержку антизападного курса режима частью суверенистских организаций (Sandor & Berlingozzi, 2026), однако экстраполировать позицию активистов на все население Нигера было бы неправомерно. Именно поэтому в данной статье Нигер анализируется путем изучения конкретных законов и решений властей, а не уровня народной поддержки, реальные масштабы которой точно оценить невозможно.

Оправдание сохранения власти через практические результаты по-прежнему остается уязвимой стороной нигерского режима. Террористические группировки остаются способными к осуществлению масштабных атак: в июне 2026 г. под удар боевиков попали аэропорт и военные объекты в столице – Ниамее. Это явно противоречит первоначальным обещаниям военных навести порядок, но одновременно поддерживает в стране режим чрезвычайного положения, к которому новая Хартия и привязывает сроки переустройства. В итоге, хотя провалы на фронте подрывают веру граждан в эффективность армии, институционально зафиксированная «миссия по спасению государства» позволяет лидерам легально обосновывать бессрочное удержание власти.

Нигерская модель эволюционировала из оборонительно-суверенистской (2023–2024), основанной на сопротивлении ЭКОВАС, после марта 2025 года – в институционально-суверенистскую, ориентированную на переустройство и восстановление государственности. В терминах М. Танненберга и его соавторов, современный режим сочетает идеологическое обоснование суверенитета с его рационально-правовым оформлением через Хартию и новые институты; при этом эффективность управления и его убедительность ограничиваются сохраняющейся нестабильностью.

### **Роль АГС во взаимном укреплении власти военных режимов**

Создание АГС стало прямым ответом на внешние угрозы нигерскому режиму. Еще летом 2023 года Мали и Буркина-Фасо открыто предупредили, что любая военная интервенция против Ниамея будет воспринята как нападение и на них, и 16 сентября три государства закрепили этот оборонительный союз, подписав Хартию Липтако-Гурма. Через десять месяцев, 6 июля 2024 года, на первом саммите в Ниамее была официально учреждена Конфедерация АГС. В итоговом коммюнике основной акцент был сделан на суверенитете, территориальной целостности, взаимной солидарности и категорическом отказе от любых мер принуждения к чему-либо участников союза. При этом рамки сотрудничества вышли за пределы военной взаимопомощи, охватив дипломатию и экономическое развитие.

С точки зрения признания власти, главная роль АГС заключается вобретении тремя режимами коллективной международной субъектности. В рамках ЭКОВАС они считались нарушителями общих правил и были обязаны постоянно доказывать, что их правление – лишь временный этап перед выборами. Внутри же АГС те же самые лидеры выступают создателями институтов и самостоятельно определяют принципы их участия в новом объединении. Возникает механизм взаимного признания: режимы, пришедшие к власти в результате переворотов, подтверждают право друг друга управлять своими государствами и закрепляют это в общей союзной структуре.

Подобный эффект выходит за рамки традиционной дипломатической взаимовыручки. АГС шаг за шагом обретает вполне осязаемые черты суверенного политического союза. Официальный выход Мали, Буркина-Фасо и Нигера из ЭКОВАС завершился 29 января 2025 года, причем само региональное сообщество было вынуждено временно сохранить безвизовый режим и торговые преференции для граждан и товаров этих стран. Тогда же конфедерация АГС ввела единый общегражданский паспорт. Впоследствии у союза появились собственные государственные символы, наднациональные механизмы развития, общая информационная база и единая армия: в декабре 2025 года в Бамако состоялась официальная церемония запуска Объединенных сил АГС (*Force unifiée de l'AES*). На втором саммите Конфедерации было запущено союзное телевидение (*Télévision AES*), ставшее главным инструментом продвижения общей суверенистской повестки.

В контексте теории регионализма эти процессы продолжают давнюю историю попыток стран Сахеля сформировать обособленные коалиции в сфере безопасности. Как показал К. Дёринг на примере альянса *G5 Sahel*, подобные военные блоки радикально меняют не только характер трансграничного взаимодействия, но и всю политическую географию региона

(Döring, 2023). В свою очередь, А. Сандор, Х. Фроуд и М. Хенке связывают появление АГС с накопленным опытом асимметричного сотрудничества и проявлением «протестной субъектности» сахельских государств, стремящихся единолично определять свои приоритеты и круг внешних партнеров (Sandor et al., 2026). Этот тезис объясняет, почему новый блок приобрел такое колоссальное значение для внутренней политики стран-участниц. Разрыв с прежней франко-американской архитектурой безопасности теперь позиционируется как формирование собственной суверенной альтернативы.

Но создание институтов АГС само по себе не доказывает, что общества Мали, Буркина-Фасо или Нигера безоговорочно согласны с политикой Гоиты, Траоре или Чиани. Кроме того, этот союз не избавляет Сахель от глубокой зависимости от внешней военной и экономической помощи. В официальной практике Конфедерации смысл суверенитета заключается вовсе не в стремлении к экономической автаркии и изоляции, а в принципиальном праве государств самостоятельно выбирать внешних партнеров и условия работы с ними. И тем не менее появление АГС кардинально изменило весь региональный контекст. Категорические требования ЭКОВАС о соблюдении жестких графиков транзита власти больше не являются для режимов обязательным условием, в рамках которого они были бы вынуждены оправдывать свое существование и планировать будущее.

События в момент захвата власти и последующее обоснование долгосрочного правления опираются на принципиально разные объяснения. Первоначальное оправдание военного переворота обращено к прошлому: свергнутое правительство объявляется недееспособным, неэффективным или неспособным защитить суверенитет. Однако спустя годы военный режим сталкивается с необходимостью доказать собственное право определять будущее страны и четко обозначить условия, при которых его миссия будет считаться завершенной. Именно на этой стадии в Сахеле возникают такие долгосрочные проекты, как малийско-нигерская концепция переустройства, буркинийская «Прогрессивная народная революция» и институциональное пространство Конфедерации АГС.

Концепт суверенитета, используемый для обоснования смены геополитических партнеров и контроля над ресурсами, стал основным идеологическим фундаментом второго этапа преобразований в трех странах. При этом данный инструмент одновременно выступает ответом на общественный запрос на автономию и средством делегитимации внутренней оппозиции (Engels, 2023; Stambøl et al., 2026; Sandor & Berlingozzi, 2026). Суверенистский язык переводит любой спор о сроках передачи власти гражданским силам в плоскость конфликта между «суверенным выбором народа» и требо-

ваниями, навязанными извне. Суверенистские лозунги превращаются в инструмент дискредитации внутренних оппонентов режима. На примере трех государств Сахеля видно, что обе функции – мобилизационная и репрессивная – действуют одновременно. Поэтому сводить происходящее либо к искренней борьбе за независимость, либо к обычной маскировке диктатуры – одинаково неверно.

Вместе с тем в трех странах различается сам образ врага, благодаря которому общий суверенистский язык наполняется местным содержанием. В Мали критика сосредоточена вокруг колониальной зависимости от Франции и неэффективности старых соглашений в сфере обороны, причем, как уже упоминалось выше, гражданские антифранцузские силы возникли здесь до прихода Гоиты к власти. В Буркина-Фасо противостояние терроризму оказалось встроено в масштабную революционную идеологию борьбы за независимость, а главным историческим ориентиром выступает наследие Т. Санкары. В Нигере образ внешнего противника изначально оказался наиболее осязаемым, поскольку ультиматумы ЭКОВАС, давление Парижа и прямая угроза интервенции в 2023 году легли в основу легитимации нового режима. Поэтому при всей схожести лозунгов о суверенитете у каждого режима остается своя собственная стратегия.

Вместе с тем три режима не образуют единого типа. В Мали центр тяжести смещен к государству и его институтам. Персональная роль Гоиты здесь безусловно значительна, однако она встроена в более широкую правовую конструкцию. В Буркина-Фасо, напротив, сильнее соединены идеологическое и персоналистское основания. «Прогрессивная народная революция», санкаристская символика и массовая мобилизация граждан задают смысл всему политическому проекту, а фигура Траоре является его идейным стержнем. Нигерская модель находится ближе к сочетанию идеологического и процедурного притязаний. Суверенистское объяснение переворота после 2025 года закрепляется в Хартии возрождения, новом статусе президента и системе консультативных институтов. Во всех трех случаях речь идет лишь о преобладающих элементах. Оправдание власти через конкретные результаты, идеи, личность лидера и законы присутствует у каждой хунты, но имеет разный политический вес.

Влияние АГС на устойчивость этих моделей также распределяется неодинаково. Для Мали конфедерация прочно закрепляет суверенистский курс в лояльной региональной среде и существенно снижает воздействие прежних электоральных требований со стороны ЭКОВАС. Для Буркина-Фасо союз выводит революционные и panafricanские лозунги на наднациональный уровень, превращая внутренний проект Траоре в часть общей доктрины трех

государств Сахеля. В Нигере режим А. Чиани, который летом 2023 года столкнулся с самой жесткой международной изоляцией, обрел благодаря АГС официальное признание соседей и получил возможность представить разрыв с ЭКОВАС как закономерный переход к альтернативному союзу. Таким образом, механизмы взаимного признания внутри Конфедерации не стирают различия между национальными стратегиями, но подкрепляют каждую из них мощным внешним ресурсом.

Военные неудачи создают для всех трех режимов схожие проблемы, однако трансформируются в разные политические лозунги. Нападение на Бамако подорвало малийский тезис о восстановлении дееспособности госаппарата. Трагедия в г. Барсалога поставила под сомнение буркинийскую модель вооруженной мобилизации граждан. В свою очередь, атака на Ниамей нанесла удар по обещаниям нигерского руководства навести порядок в сфере безопасности. И ни в одном из государств официальная реакция властей не свелась к признанию собственных ошибок. Поражения на передовой включались лидерами режимов в перечень угроз, которые как раз и требуют продолжения выбранного курса. Они использовались как аргумент в пользу дальнейшего переустройства, ужесточения мобилизации или ведения борьбы за суверенитет. Хотя критерий эффективности управления не исчез из риторики военных, сроки его проверки отодвигаются все дальше по мере расширения стоящих перед режимами задач.

Тем не менее время играет не на стороне режимов. Вывод французских войск, громкий разрыв с ЭКОВАС и учреждение Конфедерации АГС уже состоялись, из-за чего эффект новизны этих геополитических шагов постепенно угасает. Чем дальше сахельские режимы отходят от момента захвата власти, тем труднее им списывать текущие внутренние проблемы на ошибки Кейты, Каборе или Базума. На первый план неизбежно выходят практические результаты тех систем управления, которые Гоита, Траоре и Чиани строили самостоятельно. В этих условиях суверенитет перестает восприниматься как простое доказательство разрыва с колониальным прошлым и превращается в вопрос эффективности управления той автономией, которую новые режимы получили в свои руки.

В середине 2026 года Мали, Буркина-Фасо и Нигер уже невозможно рассматривать как временные военные администрации, цель которых заключается лишь в оттягивании неизбежного политического транзита. Их политические траектории заметно различаются, однако во всех трех случаях первоначальное оправдание переворота трансформировалось в долгосрочные проекты государственного переустройства. Фиксация этого принципиального различия между легитимацией самого захвата власти и последую-

щим обоснованием многолетнего правления режимов составляет главный теоретический результат проведенного исследования.

Наиболее отчетливо эта трансформация прослеживается в изменении самих критериев завершения транзита. Вместо четких сроков голосования военные привязали финал своего правления к достижению абстрактных целей, а именно к полной стабилизации ситуации в Мали, революционному преобразованию общества в Буркина-Фасо и переустройству государства в Нигере. Принятые законы, обновленные хартии и долгосрочные государственные программы переводят эту логику в институциональную плоскость. Подобный подход позволяет лидерам легально обосновывать продление своих полномочий, однако он одновременно переносит всю полноту ответственности на сами правящие режимы. Чем дольше затягивается процесс государственного переустройства, тем труднее военным списывать текущие внутренние проблемы на ошибки и провалы своих гражданских предшественников.

Во всех трех случаях суверенитет стал главной идеологической опорой для обоснования власти. Этот лозунг имеет двойственный политический эффект. С одной стороны, он отражает реальный запрос общества на пересмотр неравноправных внешних связей и дает лидерам понятный язык для обоснования принимаемых решений о безопасности, ресурсах и зарубежных партнерах. С другой стороны, этот же язык позволяет оправдывать жесткое закручивание гаек внутри стран и выставлять любых оппонентов защитниками старого колониального порядка. Малийская государственническая, буркинийская революционная и нигерская суверенистская модели различаются именно тем, каким способом этот общий лозунг переносится в практику внутренних институтов.

АГС добавляет к национальным стратегиям военных режимов важный региональный уровень. В новой конфедерации они сами учреждают институты и признают законность политического курса друг друга. Безусловно, подобный механизм не заменяет собой внутреннюю поддержку граждан и сам по себе не гарантирует вечную устойчивость режимов. Тем не менее он кардинально меняет внешнюю среду, в которой ставится и оспаривается вопрос о легитимности и сроках их пребывания у власти.

Риски подобной конструкции очевидны уже сегодня. Вооруженное насилие в регионе сохраняется, а легальное политическое поле максимально сужено. Попытки легитимации власти разворачиваются параллельно с процессами кооптации элит и преследованием оппонентов. Именно поэтому ни массовая мобилизация граждан, ни отсутствие уличных протестов, ни высокая личная популярность лидера не могут рассматриваться как достаточные доказательства искреннего признания его права на управление стра-

ной. Следующий вызов для сахельских режимов будет связан исключительно с практическими результатами их правления. Военным лидерам предстоит на деле превратить завоеванный, по их заявлениям, суверенитет в реальную безопасность и работающие государственные институты. Качество этих результатов граждане будут оценивать все строже и уже без постоянной оглядки на ошибки свергнутых правительств.

Полученные выводы имеют значение и за пределами трех рассмотренных кейсов. Они показывают, что в недемократических режимах внешнеполитическая автономия и региональная кооперация могут становиться самостоятельными ресурсами легитимации, а региональные объединения – пространством взаимного признания политических режимов. Для исследований постколониальной государственности это вновь ставит вопрос о соотношении формального суверенитета и способности государства превращать внешнюю автономию в безопасность, институциональную дееспособность и контроль над ресурсами. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется проверка этой модели на других африканских военных режимах и оценка устойчивости суверенистской легитимации по мере ослабления первоначального эффекта разрыва с прежними внешними партнерами.

### Литература

- Aina, F. (2026). Ibrahim Traore: Burkina Faso's saviour, dictator or revolutionary anti-imperialist. *Small Wars & Insurgencies*. <https://doi.org/10.1080/09592318.2026.2656299>
- Ake, C. (1966). Charismatic legitimation and political integration. *Comparative Studies in Society and History*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0010417500004291>
- Beetham, D. (2013). The legitimation of power (2nd ed.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-36117-2>
- Bøås, M., & Haavik, V. (2026). Failed international interventions and the making of new social contracts in Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 20(1), 50–67. <https://doi.org/10.1080/17502977.2025.2461295>
- Cold-Ravnkilde, S. M., & Sylla, A. (2024). The rise of Mali's 'videomen' as cybercombatants in global crisis ecologies. *International Affairs*, 100(4), 1405–1429. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae121>
- Döring, K. P. W. (2023). African military politics in the Sahel: Regional organizations and international politics. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009362269>
- Elischer, S., & Lawrance, B. N. (2022). Reassessing Africa's new post-coup landscape. *African Studies Review*, 65(1), 1–7. <https://doi.org/10.1017/asr.2022.33>
- Engels, B. (2023). Coups and neo-colonialism. *Review of African Political Economy*, 50(176), 147–153. <https://doi.org/10.1080/03056244.2023.2269693>
- García-Rivero, C. (2022). Authoritarian personality vs institutional performance: Understanding military rule in Africa. *Politikon*, 49(2), 175–194. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2072582>

Gerschewski, J. (2013). The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>

Gerschewski, J. (2018). Legitimacy in autocracies: Oxymoron or essential feature? *Perspectives on Politics*, 16(3), 652–665. <https://doi.org/10.1017/S1537592717002183>

Gerschewski, J. (2023). The two logics of autocratic rule. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009199407>

Grovogui, S. N. (2002). Regimes of sovereignty: International morality and the African condition. *European Journal of International Relations*, 8(3), 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>

Haidara, B. (2024). Popular support: The only basis of legitimacy for West Africa's new military regimes? *Africa Today*, 70(4), 97–104. <https://doi.org/10.2979/at.00015>

Hatungimana, W. (2025). Democracy on the line? Political legitimacy and support for military rule in Africa. *Democratization*, 32(8), 1904–1926. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2482598>

McCullough, A., & Sandor, A. (2023). Briefing: How a mutiny became a(nother) coup: The politics of counterinsurgency and international military partnerships in Niger. *African Affairs*, 122(489), 587–601. <https://doi.org/10.1093/afraf/adad034>

Primus, S. (2025). Who supports the coup? Deprivation, decolonization and junta support in post-coup Mali. *Democratization*. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2571043>

Saidou, A. K., & Honig, L. (2024). Legitimising regimes and legalising self-defence groups: The case of Burkina Faso's VDPs. *The Journal of Modern African Studies*, 62(3), 269–289. <https://doi.org/10.1017/S0022278X25000011>

Sandor, A., & Berlingozzi, L. (2026). Grassroots geopolitical imaginaries in the Sahel: Civil society security narratives in Burkina Faso and Niger. *Geopolitics*, 31(4), 1400–1428. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2498381>

Sandor, A., Frowd, P. M., & Hönke, J. (2026). Productive failure, African agency, and security cooperation in West Africa: The case of the G5 Sahel. *European Journal of International Security*, 11(1), 58–76. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.8>

Stambøl, E. M., Sylla, A., & Cold-Ravnkilde, S. M. (2026). Anticolonial imaginaries in Mali: The longue durée of sovereignty, security, and geopolitics. *Geopolitics*, 31(4), 1261–1286. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2523411>

Tannenberg, M., Bernhard, M., Gerschewski, J., Lührmann, A., & von Soest, C. (2021). Claiming the right to rule: Regime legitimization strategies from 1900 to 2019. *European Political Science Review*, 13(1), 77–94. <https://doi.org/10.1017/S1755773920000363>

Tuki, D. (2024). What does the population in Niger think about a military government? *Democratization*, 31(8), 1740–1765. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2341314>

Аду, Я. Н., & Мезяев, А. Б. (2024). Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом. *Ученые записки Института Африки РАН*, (2), 102–117. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117>

Садовская, Л. М. (2024). Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов. *Азия и Африка сегодня*, (3), 48–56. <https://doi.org/10.31857/S032150750030455-2>

Сидибэ, У. (2024). Франсафрика под ударом «Мали Кура» (новый Мали) и вызовы для Франции. *Международные отношения*, (4), 43–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.4.72137>

## References

- Adu, Y. N., & Mezyaev, A. B. (2024). Politicheskie potryaseniya v EKOVA: preobladanie politiki nad pravom [Political turmoil in ECOWAS: When politics prevails over law]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, (2), 102–117. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117> (In Russ.)
- Aina, F. (2026). Ibrahim Traore: Burkina Faso's saviour, dictator or revolutionary anti-imperialist. *Small Wars & Insurgencies*. <https://doi.org/10.1080/09592318.2026.2656299>
- Ake, C. (1966). Charismatic legitimation and political integration. *Comparative Studies in Society and History*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0010417500004291>
- Beetham, D. (2013). *The legitimation of power* (2nd ed.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-36117-2>
- Bøås, M., & Haavik, V. (2026). Failed international interventions and the making of new social contracts in Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 20(1), 50–67. <https://doi.org/10.1080/17502977.2025.2461295>
- Cold-Ravnskilde, S. M., & Sylla, A. (2024). The rise of Mali's 'videomen' as cyber-combatants in global crisis ecologies. *International Affairs*, 100(4), 1405–1429. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae121>
- Döring, K. P. W. (2023). *African military politics in the Sahel: Regional organizations and international politics*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009362269>
- Elischer, S., & Lawrance, B. N. (2022). Reassessing Africa's new post-coup landscape. *African Studies Review*, 65(1), 1–7. <https://doi.org/10.1017/asr.2022.33>
- Engels, B. (2023). Coups and neo-colonialism. *Review of African Political Economy*, 50(176), 147–153. <https://doi.org/10.1080/03056244.2023.2269693>
- García-Rivero, C. (2022). Authoritarian personality vs institutional performance: Understanding military rule in Africa. *Politikon*, 49(2), 175–194. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2072582>
- Gerschewski, J. (2013). The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>
- Gerschewski, J. (2018). Legitimacy in autocracies: Oxymoron or essential feature? *Perspectives on Politics*, 16(3), 652–665. <https://doi.org/10.1017/S1537592717002183>
- Gerschewski, J. (2023). *The two logics of autocratic rule*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009199407>
- Grovogui, S. N. (2002). Regimes of sovereignty: International morality and the African condition. *European Journal of International Relations*, 8(3), 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>
- Haidara, B. (2024). Popular support: The only basis of legitimacy for West Africa's new military regimes? *Africa Today*, 70(4), 97–104. <https://doi.org/10.2979/at.00015>
- Hatungimana, W. (2025). Democracy on the line? Political legitimacy and support for military rule in Africa. *Democratization*, 32(8), 1904–1926. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2482598>
- McCullough, A., & Sandor, A. (2023). Briefing: How a mutiny became a(nother) coup: The politics of counterinsurgency and international military partnerships in Niger. *African Affairs*, 122(489), 587–601. <https://doi.org/10.1093/afraf/adad034>
- Primus, S. (2025). Who supports the coup? Deprivation, decolonization and junta support in post-coup Mali. *Democratization*. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2571043>

Sadovskaya, L. M. (2024). Burkina Faso: ot nezavershennogo narodnogo vosstaniya do voennykh perevorotov [Burkina Faso: From an unfinished popular uprising to military coups]. *Aziya i Afrika segodnya*, (3), 48–56. <https://doi.org/10.31857/S032150750030455-2> (In Russ.)

Saidou, A. K., & Honig, L. (2024). Legitimising regimes and legalising self-defence groups: The case of Burkina Faso's VDPs. *The Journal of Modern African Studies*, 62(3), 269–289. <https://doi.org/10.1017/S0022278X25000011>

Sandor, A., & Berlingozzi, L. (2026). Grassroots geopolitical imaginaries in the Sahel: Civil society security narratives in Burkina Faso and Niger. *Geopolitics*, 31(4), 1400–1428. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2498381>

Sandor, A., Frowd, P. M., & Hönke, J. (2026). Productive failure, African agency, and security cooperation in West Africa: The case of the G5 Sahel. *European Journal of International Security*, 11(1), 58–76. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.8>

Sidibe, U. (2024). Fransafrika pod udarom «Mali Kura» (novyi Mali) i vyzovy dlya Frantsii. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), 43–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.4.72137> (In Russ.)

Stambøl, E. M., Sylla, A., & Cold-Ravnkilde, S. M. (2026). Anticolonial imaginaries in Mali: The longue durée of sovereignty, security, and geopolitics. *Geopolitics*, 31(4), 1261–1286. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2523411>

Tannenberg, M., Bernhard, M., Gerschewski, J., Lührmann, A., & von Soest, C. (2021). Claiming the right to rule: Regime legitimization strategies from 1900 to 2019. *European Political Science Review*, 13(1), 77–94. <https://doi.org/10.1017/S1755773920000363>

Tuki, D. (2024). What does the population in Niger think about a military government? *Democratization*, 31(8), 1740–1765. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2341314>

---

*Для цитирования:* Денисова, Т. С. От переворота к политическому порядку: военные режимы Мали, Буркина-Фасо и Нигера / Т. С. Денисова, С. В. Костелянец // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 96–119. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-96-119.